

ных зачинах. Книжно-письменный язык белорусской народности не оставался неизменным на протяжении всего старобелорусского периода. В его структуре происходили постепенные, но неуклонные сдвиги в сторону сближения с живой народно-разговорной речью. Этому в значительной мере способствовал тот факт, что язык белорусской народности был фактически официальным в Великом княжестве Литовском, так как литовцы долгое время после завоевания территории Белоруссии и части Украины не имели собственной письменности на своем языке. Он выполнял государственные функции и употреблялся в различных жанрово-стилевых разновидностях, в том числе в языке «всего литовского населения как православного, так и католического»⁴. Язык этот был официально признан и узаконен Литовским статутом 1566 г., где говорилось: «А писарь земский маеть по-руску литерамы и словы вси листы выписы и позы писати а не иншимъ языкомъ и словы».

Дискуссионным в белорусском языковедении до последнего времени является вопрос о старобелорусских традициях в новом белорусском литературном языке. Одни исследователи утверждают, что новый белорусский литературный язык восходит к языку фольклора, к народно-разговорной речи. Это, однако, не означает, что языковые средства, накопленные нашей литературой в древний период, не сыграли никакой роли в период становления и развития нового белорусского литературного языка. При этом отмечается, что белорусские писатели первой половины XIX в. и позднейшего времени не в такой мере, как в русской литературе, пользовались достижениями старобелорусского литературного языка⁵.

В последнее время некоторые исследователи начали поддерживать высказанное в свое время мнение о том, что новый белорусский литературный язык не мог быть продолжением старобелорусского языка. Сторонники этого мнения утверждают, что к концу XVII в. белорусский литературный язык был вытеснен из официального употребления польским языком, а формирование нового белорусского литературного языка происходило спустя около двух столетий. По их мнению, за этот период времени старобелорусские литературно-письменные традиции были окончательно забыты и не сыграли существенной роли в становлении нового белорусского литературного языка⁶. Такое высказанное в

белорусском языковедении мнение повторяется и рядом других лингвистов⁷.

Однако, если вначале они категорически утверждали, что в современный белорусский литературный язык «ничего не перешло от древности»⁸, то в самое последнее время в белорусских печатных изданиях XIX в. стали обнаруживаться лексические звенья, узаконенные старобелорусским литературным языком. Правда, такие лексические параллели сопровождаются оговорками, что это «древние заимствования», «историзмы» и т. п.⁹.

И только недавно в научной литературе не без оснований было поставлено под сомнение распространенное в белорусском языковедении мнение об отсутствии связи между старой и новой белорусской письменностью. Тезис о неактуальности вопроса сохранения средств старобелорусской письменности в новом белорусском литературном языке признан противоречивым и необидительным¹⁰. Рассмотрим некоторые существенные моменты этого дискуссионного вопроса.

Ко времени формирования нового белорусского литературного языка в старобелорусском, как известно, была достигнута стабилизация его лексико-семантической, морфологической, синтаксической и фонетической систем. Наиболее устойчивым оказался нейтральный общенародный элемент, в частности лексический, который, совершенствуясь столетиями, не утратил своей продуктивности в новых исторических условиях. Основа его сохранилась не только в устной, но и письменной форме нового белорусского языка. Однако некоторые исследователи не находят здесь заметных следов старого, аргументируя неизвестностью и недоступностью многим культурным деятелям XIX в. старобелорусских рукописных и старопечатных источников, которые, по их мнению, находились в един-

стория белоруской літаратурнай мовы, т. II. Мінск, 1968, стр. 13.

⁷ Ср. рецензию Г. П. Пивторана на кн.: И. И. Крамко, Е. К. Юревич, Е. И. Янович. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. II. «Мовознаўства», № 4, 1970, стр. 83; Русановский В. М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка. «Вопр. [языковедения]», № 4, 1970, стр. 57.

⁸ Крамко И. И., Юревич А. К., Янович А. И. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. II, стр. 335.

⁹ Крамко И. И. Развіццё лексічнай сістэмы беларускай мовы XIX—пачатку XX ст.—«Гістарычная лексікалогія беларускай мовы». Мінск, 1970, стр. 234.

¹⁰ Ср. рецензию А. Е. Баханькова на книгу: «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы», т. I, II. Гісторыя працягваецца. «Весті Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, № 3, 1971, стр. 134—137.

⁴ Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI—XVII вв. М., 1888, стр. 3.

⁵ Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963, стр. 203.

⁶ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I, Мінск, 1967, стр. 368—370; Крамко И. И., Юревич А. К., Янович А. И. Гі-